

КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ: КОНКУРИРУЮЩИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ В СОВРЕМЕННЫХ УЧЕБНИКАХ АРМЕНИИ И АЗЕРБАЙДЖАНА

Статья посвящена исследованию процессов конструирования исторических нарративов в современных учебниках истории Армении и Азербайджана в контексте этнополитического противостояния двух стран. В качестве объекта исследования выбраны современные учебники истории данных государств, утвержденные министерствами науки и образования данных республик и рекомендованные для изучения студентами вузов — «История Азербайджана (с древнейших времен до наших дней)» под авторством профессора И. М. Мамедова (Мамедов 2020) и учебник «История Армении», составленный группой авторов под редакцией профессора Г. Р. Симоняна (История Армении 2014). В ходе исследования проведен сопоставительный анализ текстов, направленный на выявление конкурирующих трактовок исторических событий, обнаружение пропагандистских и манипулятивных нарративов и оценку их влияния на укоренение культурных, социальных и политических противоречий между армянами и азербайджанцами. На основе результатов проведенного анализа делается вывод о наличии в рассматриваемых учебных материалах псевдоисторических сюжетов, используемых для легитимизации прав обоих государств на спорные территории и оправдания выбранного ими политического курса на дальнейшую деградацию азербайджано-армянских отношений.

Ключевые слова: образ врага, исторические нарративы, армяно-азербайджанский конфликт

Ссылка при цитировании: Рашковский А. А. Конструирование национальных идентичностей: конкурирующие исторические нарративы в современных учебниках Армении и Азербайджана // Вестник антропологии. 2026. № 1. С. 68–83.

UDC: 39+316

DOI: 10.33876/2311-0546/2026-1/68-83

Original article

© Alexander Rashkovsky

CONSTRUCTING NATIONAL IDENTITIES: COMPETING HISTORICAL NARRATIVES IN CONTEMPORARY TEXTBOOKS IN ARMENIA AND AZERBAIJAN

This article examines the construction of historical narratives in modern history textbooks in Armenia and Azerbaijan in the context of the ethnopolitical confron-

Рашковский Александр Александрович — аспирант, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, 32а). Эл. почта: a.rashkovsky@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-8784-0284>

tation between the two countries. The study focuses on contemporary history textbooks from these states, approved by the ministries of science and education of the respective republics and recommended for university students: History of Azerbaijan (From Ancient Times to the Present), authored by Professor I. M. Mamedov, and History of Armenia, compiled by a group of authors under the editorship of Professor G. R. Simonyan. A comparative analysis of the texts was conducted to identify competing interpretations of historical events, uncover propaganda and manipulative narratives, and to assess their influence on the entrenchment of cultural, social, and political contradictions between Armenians and Azerbaijanis. It was concluded that the examined educational materials contain pseudo-historical plots used to legitimize both states' claims to disputed territories and justify their chosen political course towards further deterioration of Azerbaijani-Armenian relations.

Keywords: *enemy image, historical narratives, Armenian-Azerbaijani conflict*

Author Info: **Rashkovsky, Alexander A.** — Ph.D. student, the Russian Academy of Sciences Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.rashkovsky@yandex.ru ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0005-8784-0284>

For citation: Rashkovsky, A. A. 2026. Constructing National Identities: Competing Historical Narratives in Contemporary Textbooks in Armenia and Azerbaijan. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 68–83.

Введение

Историческая наука обладает широким спектром функций, начиная с познавательной и дидактической и заканчивая мировоззренческой и идеологической. Стоит отметить, что данные функции нередко противоречат друг другу. К примеру, если в основе познавательной функции лежит стремление к поиску исторической истины, то идеологическая функция требует использования исторических данных для достижения конкретных политических целей (Шнирельман 2003), что зачастую означает сознательный отход от истины в угоду политической конъюнктуре. По этой причине историческая научная литература, в особенности учебная, нередко превращается в инструмент политической пропаганды.

Пропагандистские исторические нарративы используются для имплицитного формирования в общественном сознании определенных политических взглядов, идей и ценностей. При этом приемы политической пропаганды вовсе не ограничиваются подлогом источников и подменой исторических фактов. Зачастую политическая ангажированность историков проявляется в особой избирательности исторических фактов, сознательном игнорировании (умалчивании) неудобных событий, переключении фокуса внимания на незначительные мелочи, выставлении исторических гипотез в качестве объективных исторических фактов, прибегании к эмоционально-оценочным суждениям и высказываниям.

Политизированные учебники истории представляют субъективную идеологически выверенную интерпретацию исторических событий, направленную на формирование у широкого круга читателей единого и однозначного восприятия описываемых событий. Вместо объективных знаний читателям предлагается набор выборочных фактов, четко вписываемых в конструируемый авторами образ.

Пропагандистские нарративы предельно просты в понимании и изобилуют яркими образами, метафорами и ассоциациями, благодаря чему легко отпечатываются в подсознании, формируя систему политических взглядов, идей и ценностей человека — его гражданскую позицию. «Массы, не готовые, и не желающие вникать в логические аргументы и доказательства, гипнотизируются языком аллегорий и мифов» (Ершов 2015: 51).

Одной из разновидностей конструируемых исторических нарративов являются этнополитические мифы, представляющие собой совокупность идеологизированных символов, образов и представлений о коллективном прошлом и настоящем этнической общности, воспринимаемых ее представителями как реальные исторические события. Этнополитические мифы составляют значимую часть картины мира индивида, играют существенную роль в определении социальной ориентации, самоидентификации и поведении отдельных индивидов, а также служат формированию и поддержанию коллективной идентичности, трансляции культурных ценностей группы. Объектом этнополитического мифотворчества становятся как события доисторического прошлого, не имеющие исторических доказательств (мифы о происхождении этнической группы, культурных героях и их деяниях), так и вполне достоверные исторические события, которые, тем не менее, также подвергаются процессам мифологизации.

Этнополитические мифы формируют образ прошлого этнической общности, трансформируя ключевые исторические события, с которыми представители группы чаще всего отождествляют себя и свою историю. Реперными точками большинства этнополитических мифов являются исторические события, которые можно условно разделить на четыре группы (Домашев 2017):

1. Происхождение народа и обретение им родины (миф об автохтонности, миф о прародине).
2. Зарождение собственной государственности (миф о культуртрегерстве).
3. Период цивилизационного расцвета и великих завоеваний (миф о золотом веке).
4. Коллективная историческая травма, прервавшая поступательное развитие народа (миф о национальной трагедии, миф о враге).

Данные исторические сюжеты выделяются по нескольким причинам. Первый подтверждает право этнической общности на определенную территорию; второй придает ему статус политического субъекта и закрепляет возможность создания своего государства; а третий и четвертый помогают этнической группе утвердиться среди других групп и определить свое место в современном мире.

Процессы конструирования национальной идентичности (этнического самосознания), начавшиеся в Армянской и Азербайджанской союзных республиках задолго до распада СССР, многократно усилились после обретения данными республиками политического суверенитета. Прекращение существования мощного централизованного государства в лице Советского Союза, способного разрешать разногласия, возникавшие между этническими группами, привело к резкому обострению латентных этнополитических противоречий, что в ряде случаев переросло в вооруженные этнополитические конфликты. Наиболее взрывоопасным регионом постсоветского пространства стал Кавказ, где с момента распада СССР произошли пять из семи вооруженных этнополитических конфликтов, в числе которых и армяно-азербайджан-

ский конфликт, сосредоточившийся вокруг ряда спорных историко-географических областей Южного Кавказа.

Стоит отметить, что волнам эскалаций азербайджано-армянского конфликта (1989–1994 гг., 2020 г. и 2023 г.), приведшим к всплеску насилия и массовому кровопролитию с обеих сторон, предшествовала многолетняя политика армянских и азербайджанских элит по разобщению двух народов, разжиганию межнациональной розни, насаждению в массовом сознании соотечественников образа непримиримого врага.

Превращение истории в объект политической борьбы государственных идеологий становится причиной столкновения конкурирующих друг с другом исторических нарративов — «войн памяти» (Шнирельман 2003). Рассмотрим данный феномен на примере исторических нарративов, изложенных в учебниках государственной истории Азербайджана и Армении, и проследим за тем, как обе стороны представляют друг друга в конструируемых ими этнополитических мифах.

Миф о происхождении народа и обретения родины

В качестве доказательства автохтонности происхождения азербайджанцев на Южном Кавказе автор учебника азербайджанской истории приводит ряд древних археологических находок черепов, обнаруженных на территории современного Азербайджана, Армении и Грузии (Мамедов 2020: 38–40). На основании особенностей строения обнаруженных черепов (наличия у древнего населения Южного Кавказа выраженной долихокрании, характерной для каспийского антропологического типа, в том числе для современных азербайджанцев) И. М. Мамедов делает вывод о прямом родстве древнего населения Южного Кавказа с современными азербайджанцами. Вместе с тем автор подчеркивает, что по своему строению черепа древних жителей региона резко отличаются от черепов современных грузин и армян, которые являются брахикефалами, что, по мнению И. М. Мамедова, свидетельствует о пришлости последних в регион. Автор пишет: «[...] грузины, и армяне не являются коренными жителями Кавказа. Когда они пришли в эту страну, там обитали потомки другого народа» (Мамедов 2020: 39).

Удревление этногенеза азербайджанцев, равно как и представление об автохтонности данной этнической общности на Южном Кавказе, производится путем причисления к «древнеазербайджанским этносам» (предкам современных азербайджанцев) древних племен, проживавших на территории Южного Кавказа задолго до появления тюрков. Так, И. М. Мамедов, разделяя версию азербайджанского историка Ю. Б. Юсифова, заявляет о прототюркском происхождении турукков, су, утиев, кутиев, луллубеев (Мамедов 2020: 35). К числу древнеазербайджанских этносов причисляются и древние ираноязычные племена киммерийцев, скифов, саков и массагетов (Мамедов 2020: 49–50). К примеру, царица массагетов Томрис, жившая в I тыс. до н. э., предстает в учебнике в образе героической азербайджанской женщины, не испугавшейся угроз персидских завоевателей и решившейся на борьбу против захватчиков с целью отстоять свободу и защитить родную землю (Мамедов 2020: 55). Ключевой тезис насаждаемых автором мифов можно описать следующим образом: азербайджанцы являются единственным автохтонным населением Закавказья, ведущим свое происхождение от древних кавказских племен.

По версии И. М. Мамедова, азербайджанская государственность складывается уже в первой половине III тыс. до н. э., а существовавшее в тот период в Закавказье

государственное образование Аратта является одним из древнейших названий самого Азербайджана (Мамедов 2020: 32). И. М. Мамедовым предпринимается попытка связать этногенез азербайджанцев с древними шумерами. По словам автора, древние азербайджанцы еще со времен существования Аратты отлично владели клинописью (Мамедов 2020: 33).

Далее азербайджанский историк пишет: «[...] вторым государственным образованием в истории нашей страны [является] государство Луллубум (Луллуби)» (Мамедов 2020: 32). Таким образом, история азербайджанской государственности, по мнению азербайджанского историка, насчитывает не менее 4 тысячелетий, что ставит ее в один ряд с такими государствами древнего мира как: Ассирийское царство, Древний Египет и Древний Китай.

Согласно главе IV учебника азербайджанской истории, которая названа автором как «Древние государства Азербайджана», к числу древнеазербайджанских государств относятся также Антропатена (рабовладельческое государство, возникшее в результате распада Империи Александра Македонского на территории современного Иранского Азербайджана) (Мамедов 2020: 59) и Древняя Албания (занимавшая территории современного Азербайджана, Армении, Грузии и Южного Дагестана) (Мамедов 2020: 63). Автор подчеркивает: тюркскоязычный этноязыковой элемент преобладал в этническом составе данных государств.

Столь же смелое проявление исторического мифотворчества можно встретить в учебнике армянской истории. Так, в главе, повествующей об этногенезе армян, авторы без ложной скромности отмечают, что Армянское нагорье является не только прародиной армянского народа, но и «колыбелью» всех индоевропейских народов (История Армении 2014: 20). В учебнике можно найти следующую цитату: «[...] прародина индоевропейцев находилась именно на той территории, где сформировался и прошел свой исторический путь армянский народ» (История Армении 2014: 20).

Сами же армяне представлены в учебнике как древнейший автохтонный народ Южного Кавказа, отделившийся от индоевропейской общности более 5 тысяч лет назад и с тех пор непрерывно проживающий на территории Южного Кавказа, что делает его не только древнейшим автохтонным народом Закавказья, но и «старшим братом» всех индоевропейских народов, проживающих на территориях от Британских островов до Индии.

Любопытно отметить, что на первых же страницах академического учебника армянской истории приведены абсолютно мифологические сюжеты происхождения армянского народа. Верифицируемые исторические источники и археологические данные уступают место мифологическим преданиям и легендам. Согласно представленным версиям, армянский народ происходит то ли от мифологического культурного героя — великана Айка (также Хайка), рожденного от первых богов, то ли от греческого аргонавта Армения Фессалийского, участвовавшего в поисках Золотого руна вместе с легендарным Ясоном, то ли от библейского Ноя, причалившего свой ковчег у священной для армян горы Арарат (История Армении 2014: 15–18).

Подобно учебнику азербайджанской истории отсчет истории армянской государственности ведется с образования древнего государства *Аратта* (История Армении 2014: 21). Согласно армянскому мифу Аратта отождествляется с библейской страной Арарат-Армения.

По мнению авторов армянского учебника, древнейшее упоминание страны армян — *Арми* (впоследствии Армении) и эндоэтнонима армян — *хай* («сыны Хайка») встречается в летописях древнего государства Эбла, относимых к XXIV–XXIII вв. до н. э. Кроме того, название страны *Арман*, признаваемого авторами протоформой Армении, присутствует уже в древних табличках Аккадского царства, а древнеармянского царства *Хайаса* — в клинописных табличках хеттов (История Армении 2014: 22–24).

Миф о «золотом веке»

Миф о «золотом веке» представляет собой сложный и многогранный нарратив, формирующий коллективную память и идентичность, а также служащий источником вдохновения для будущих поколений. С помощью данного мифа формируется прообраз идеализированного прошлого этнической группы — исторического периода ее политического, экономического и культурного расцвета, разрушенного под воздействием внешних сил (которые предстают в мифах в образах врагов, захватчиков, варваров и т. д.). По своей структуре и значению миф о «золотом веке» можно также охарактеризовать как миф о потерянном рае, однако в рамках данной работы предпочтение отдается все же словосочетанию «золотой век».

Как отмечалось выше, несмотря на то что миф о «золотом веке» повествует о событиях далекого прошлого, его основной задачей является конструирование образа желаемого будущего. Данные мифы обладают большой побудительной силой, благодаря чему политические элиты используют их для этнической или общегражданской мобилизации. Рассмотрим данный тип мифов на конкретных примерах из анализируемых источников (*Нигматуллина* 2021: 22).

«Золотым веком» армянской истории является период существования Великой Армении — государства, согласно армянским источникам простиравшегося от Средиземного до Каспийского моря с запада на восток и от реки Куры до реки Иордан с севера на юг. Таким образом, земли Великой Армении простирались на территории современной Армении, части Грузии, Турции, Азербайджана, Ирана, Ирака, Ливана и Сирии.

По мнению армянских историков, в периоды царствования Арташеса I и Тиграна II Великая Армения достигла своего наивысшего расцвета и приобрела статус мировой державы (*Нигматуллина* 2021: 37–46). В настоящее же время армянский народ сохранил свою государственность лишь на 1/10 своей исторической территории (подразумеваются территории современной Республики Армения и Нагорно-Карабахской Республики, де-юре прекратившей существование 1 января 2024 года). Таким образом, при помощи мифа о Великой Армении в армянском коллективном сознании конструируется и насаждается идея о легитимности выдвигаемых армянами притязаний на территории соседних государств, прежде всего, Азербайджана и Турции.

В то же время азербайджанский учебник истории ставит под сомнение сам факт существования Великой Армении. Древнее армянское государство, якобы простиравшееся «от моря и до моря», признается легендой современных армянских историков, пытающихся протащить в современную историографию миф о могущественном армянском государстве, просуществовавшем на исторических землях азербайджанских тюрок всего несколько десятилетий (*Мамедов* 2020: 65).

И. М. Мамедов связывает «золотой век» азербайджанской историографии с периодом существования Древней Албании (конец IV в. до н. э. — VIII в. н. э.), охватывавшей территории современного Азербайджана, Армении, Грузии и Южного Дагестана. Происхождение этнонима «албаны» связывается азербайджанским историком с древнетюркским словом *алп*, означавшим храброго, отважного мужчину, в связи с чем топоним Албания также имеет древнетюркское происхождение и переводится как «страна храбрецов» или «страна отважных мужей» (Мамедов 2020: 63).

Любопытно отметить, что описание Древней Албании берется азербайджанским автором из труда «История страны Алуанк», написанного армянским историком Мовсесом Каганкатвацци на армянском языке в VII в. Вместе с тем, Мовсес Каганкатвацци предстает в учебнике как албанский историк Моисей Каланкатуйский, а его сочинение как «История албан» (Мамедов 2020: 626). Конечно же о том, что древнейший и наиболее подробный труд об истории Древней Албании написан на древнеармянском языке (грабаре), в азербайджанском учебнике не говорится ни слова.

В армянском учебнике Древняя Албания (в армянской версии — Агванк или Алуанк), представлена как слабое и зависимое государство, то и дело попадавшее в зависимость либо покоряемое армянами, персами и арабами (Мамедов 2020: 40). Так, армянские истории включают территории Агванка в состав двух провинций Великой Армении — Арцах и Утика, а также отмечают, что исламизация региона стала результатом последующего арабского владычества. Таким образом, армянские авторы просто исключили из своего исторического нарратива неудобную информацию о политически независимом соседнем государстве, существование которого не вписывается в миф о великом армянском государстве, столетиями простиравшемся «от моря и до моря» и безраздельно правившем на Южном Кавказе.

Миф об Арцахе/Карабахе

Нагорный Карабах или Арцах является камнем преткновения армяно — азербайджанского конфликта. Неудивительно, что наиболее крупный пласт псевдоисторических нарративов и этнополитических мифов складывается вокруг темы о его принадлежности.

Так, азербайджанский автор утверждает, что область Нагорного Карабаха (именуемого автором Гарабахом) издревле входила в состав Кавказской Албании и была населена тюркоязычными народами (Мамедов 2020: 145). Точкой перелома, приведшей к «армянизации» Гарабаха, автор считает период арабского владычества в Южном Кавказе. По его мнению, пользовавшиеся поддержкой арабских правителей армяне в VIII в. н. э. провели насильственную «григорьянизацию» албанского населения Гарабаха. Григорьянизации подверглось не только тюркоязычное население региона, но и памятники албанской литературы. Позиция автора заключается в том, что до момента основания мусульманского Карабахского ханства на территории Карабаха проживали вовсе не армяне, а насильственно армянизированные турки-албаны. В связи с чем вопрос о самоопределении армян Нагорного Карабаха относится И. М. Мамедовым «к числу лживых и надуманных проблем, продвигаемых армянскими националистами, политиками и фальсификаторами истории с целью эскалации вооруженной агрессии против мирного азербайджанского населения» (Мамедов 2020: 478).

Азербайджанский историк подчеркивает, что наиболее разрушительные последствия для исконно азербайджанских Гарабаха, Иревана и Нахичевана наступили с

приходом в Закавказье Российской империи, массово заселившей исконно мусульманский регион единоверцами-христианами (Мамедов 2020: 482). Именно тогда, в первой трети XIX в., количество пришлых армян в регионе начинает превышать количество азербайджанских тюрков. Завоевание Россией Южного Кавказа открыто названо автором одной из главных причин этнополитических проблем современного Азербайджана. Автор пишет: «Переселение [...] десятков тысяч иранских и турецких армян в Северный Азербайджан имело весьма болезненные последствия (Мамедов 2020: 483). Таким образом, руками царской России была заложена основа сегодняшних тяжких проблем Азербайджана».

Армянский этнополитический миф базируется на том, что регион Карабаха, традиционно называемый в армянской историографии Арцахом, является исторической собственностью армянского народа.

Армянские историки делают акцент на том, что Арцах входил в состав Великой Армении уже в I в. до н. э. (История Армении 2014: 42) Центральное место в учебнике занимают нарративы, связанные с героической борьбой армянского народа за освобождение Арцаха от владычества персов, римлян, арабов, турков-сельджуков и азербайджанцев.

Учебник представляет Арцах в качестве «колыбели армянского народа». Авторы стремятся всячески подчеркнуть высокую значимость региона в этногенезе армян и развитии армянской истории в целом. Конструирование в коллективном сознании армян представления о Карабахе как о прародине армянского народа происходит при помощи использования яркой эмотивной лексики. На страницах учебника Арцах именуют «Отечеством» (История Армении 2014: 195), «родиной» (История Армении 2014: 540), «древней вотчиной армян, коварством отсеченной от [Армении]» (История Армении 2014: 599).

Согласно армянскому нарративу, тюркоязычные кочевые племена впервые обособляются в Арцахе лишь в начале XVII в., что станет результатом насильственной депортации коренного армянского населения региона, проводимой персидским шахом Аббасом (История Армении 2014: 471). Занявшие исторические земли армян тюркские племена стали отуречивать армянские топонимы, что, по мнению армянских историков, дает повод современным азербайджанским фальсификаторам истории приписывать территории Арцаха своему, в действительности пришлому, этносу (История Армении 2014: 472).

Период владычества в регионе тюркоязычного Карабахского ханства (1747–1822) описывается армянскими историками следующим образом: «впервые за всю историю в сердце Арцаха обосновалось чужеродное тюркское племя» (История Армении 2014: 212). Само же Карабахское ханство характеризуется в учебнике как «совершеннейшее зло для местного армянского населения».

В целом Армянский исторический нарратив базируется на том, что до 1918 г. Арцах никогда не был частью Азербайджана, поскольку такого государства не существовало в Закавказье (История Армении 2014: 489).

Коллективная травма

В коллективной исторической памяти любого народа увековечены не только мифы о так называемом «золотом веке», но и исторические нарративы, повеству-

ющие о некоем травмирующем событии — пережитом народом негативном опыте, запечатленном в его коллективной памяти. В коммеморативных практиках представители сообщества постоянно возвращаются к травмирующему событию, заново переживая его и передавая опыт такого переживания последующим поколениям (Аникин 2018).

Память о коллективных травмах может служить напоминанием о важности предотвращения повторения подобных событий в будущем. Вместе с тем увековечивание таких событий в памяти народа является мощным фактором внутригрупповой консолидации (Аникин 2020).

Стоит также отметить, что вербализация травмирующего события прошлого имеет важный терапевтический эффект, позволяющий членам группы проговорить свои чувства и переживания, справиться с пережитым шоком и осмыслить масштаб произошедшего. С другой стороны, увековечивание коллективной травмы может выступать в качестве катализатора ретравматизации, навязывающего коллективу комплекс жертвы (или комплекс вины), формирующего общественный запрос на восстановление справедливости, наказание виновных и компенсацию нанесенного ущерба. Эти качества превращают мифы о коллективной травме в отличный инструмент ведения политической риторики и пропаганды. Травмирующие воспоминания используются политическими элитами для радикализации общества, усиления влияния политической идеологии крайнего толка, выступающей под лозунгами национализма и сепаратизма.

Наиболее трагичными страницами азербайджанской истории, представленными в учебнике, являются: армяно-мусульманская резня в Баку 1905 г. (Мамедов 2020: 500), этническая чистка азербайджанцев в Елизаветпольском уезде (Мамедов 2020: 648) и геноцид азербайджанцев большевистско-дашнакскими вооруженными отрядами 1918 г., массовая депортация азербайджанцев из Армянской АССР 1988 г. (Мамедов 2020: 500), Ходжалинская трагедия 1992 г. (Мамедов 2020: 589), Карабахская война 1992–1993 гг., названная в учебнике «вражеской оккупацией азербайджанских территорий» (Мамедов 2020: 659). Виновниками всех без исключения перечисленных трагедий признаются армяне.

Среди ключевых дат, связанных с коллективными историческими травмами армян, стоит выделить: армяно-татарские столкновения в Баку 1905 г. (История Армении 2014: 395), резню армян в Киликии 1909 г. (История Армении 2014: 382), Геноцид армян в Османской империи 1915–1916 гг. (История Армении 2014: 403), Сумгаитский погром (История Армении 2014: 607), массовую депортацию армян из Азербайджана (История Армении 2014: 611) и Спитакское землетрясение 1988 г. (История Армении 2014: 612), Арцахскую войну 1992–1993 гг. (История Армении 2014: 637–653), обозначенную в учебнике как «освободительная война».

Не считая разрушительного стихийного бедствия 1988 г., основными виновниками трагических событий, произошедших с армянами, признаются турки и азербайджанцы.

Стоит отметить, что в армянском общественно-политическом сознании этнонимы турок и азербайджанец нередко оказываются тождественными друг другу. И те, и другие воспринимаются армянами как заклятые и непримиримые враги. В виду чего в армянском этнополитическом дискурсе слово «турок» приобрело негативные коннотации и зачастую используется в качестве пренебрежительного и уничижительного прозвища, используемого в отношении всего мусульманского населения региона. Использование негативно окрашенного прозвища «турки» в отношении

азербайджанцев является ярким примером негативной стереотипизации и стигматизации соседней этнической группы. Через отождествление азербайджанцев и турок в армянском общественном сознании конструируется монолитный образ коллективного азербайджано-турецкого врага.

К примеру, говоря о военных событиях в Нагорном Карабахе, армянские историки представляют азербайджанских военнослужащих как потерявших человеческое лицо турецких варваров, учинивших резню мирного армянского населения (История Армении 2014: 644). Азербайджанцы, принимавшие участие в совершении армянских погромов 1905 г. в Баку, названы турецко-татарскими разбойничьими бандами (История Армении 2014: 396). Авторы говорят и о «турецких (азербайджанских) феодалах и разбойничьих шайках», чьи набеги приходилось то и дело отражать автономным армянским княжествам Арцаха (История Армении 2014: 191).

Особый интерес представляет то, как обе стороны интерпретируют предпосылки и следствия одних и тех же травмирующих исторических событий.

К примеру, первым исторически зафиксированным случаем массового проявления насилия между армянами и азербайджанцами являются столкновения 1905 г. в Баку, описываемые в азербайджанском учебнике как армянско-мусульманская резня, а в армянском учебнике — как армяно-татарские столкновения.

Согласно нарративу, изложенному в азербайджанском учебнике, армянско-мусульманская резня была спровоцирована русским царизмом, который был так напуган масштабом революционного движения в Закавказье, что устроил провокацию с целью отвлечения внимания трудящихся азербайджанцев от борьбы против классового угнетения. В интерпретации И. М. Мамедова армянские боевики, пролившие кровь тысяч безвинных азербайджанских тюрок, являлись лишь удобным инструментом в руках русских колонизаторов (Мамедов 2020: 500).

Армянский нарратив как две капли воды схож с азербайджанским, с той лишь разницей, что в армянской версии именно армянский народ являлся наиболее активным революционным элементом в Закавказье. А зачинщиками погромов стали азербайджанцы, которые предстают в учебнике в образе «отсталых и фанатичных кавказских татар», которых царские власти натравили на армян с целью раскола революционных сил (История Армении 2014: 395).

Исторические нарративы обоих учебников изобилуют «зеркальными образами», т. е. восприятием сторонами конфликта друг друга через схожие негативные стереотипы. В контексте этнополитического конфликта зеркальные образы проявляются в том, что каждая сторона видит в другой те же самые черты, которые она отрицает в себе или пытается скрыть. Например, обе стороны могут обвинять друг друга в агрессии, жестокости, стремлении к доминированию, хотя на самом деле эти качества присущи обеим сторонам.

Так, в обоих учебниках уделено большое внимание деятельности национальных партий Закавказья, осуществлявших политическую деятельность в революционные годы — армянской партии «Дашнакцутюн» и азербайджанской партии «Мусават».

Армянские историки отводят дашнакам (членам и последователям партии «Дашнакцутюн») роль лидеров армянского национально-освободительного движения, борцов с оттоманской тиранией и пантюркизмом, называют их истинными патриотами своей родины и национальными героями (История Армении 2014: 336–343). В то же время мусаватисты представлены как необузданные и фанатичные нагле-

цы, пытавшиеся воплотить в жизнь захватнические и человеконенавистнические идеи пантюркизма (История Армении 2014: 433). События, развернувшиеся в Баку в 1918 г., описываются в армянском учебнике следующим образом: «национальные дашнакские части, после долгого героического сопротивления были вынуждены сдать Баку турецко-мусаватистским бандитам, которые залили город кровью десятков тысяч бакинских армян» (История Армении 2014: 445).

Азербайджанский же учебник напротив представляет дашнаков в образе бандитских формирований и врагов азербайджанского народа, «натянувших на себя шкуры большевиков-коммунистов» (Мамедов 2020: 545). Организаторами трехдневных бакинских погромов в марте 1918 г. признаются дашнаки, результатом деятельности которых стало убийство тысяч невинных мусульман (Мамедов 2020: 518).

Мы видим, как обе стороны пытаются обелить себя, переложив всю ответственность за собственные действия и их трагические последствия на противоположную сторону.

Приведем другой пример. События, произошедшие в ночь с 25 на 26 февраля 1992 г., когда армянские вооружённые формирования штурмом взяли азербайджанский город Ходжалы, трактуются азербайджанским автором как «одно из самых ужасных злодеяний XX века». Действия армян описываются как геноцид и учиненная резня, жертвами которой стали по меньшей мере 613 человек (Мамедов 2020: 589). Еще 487 человек были ранены, а город сожжен. Повествуя о событиях тех дней, И. М. Мамедов пишет: «коварный и жестокий враг для устрашения [азербайджанского] народа даже надругался над трупами, обезображивая их».

В то же время армянские авторы возлагают ответственность за совершенные в Ходжалы преступления на самих азербайджанцев. По их мнению, Национальный фронт Азербайджана устроил в Ходжалы резню своего же мирного населения, чтобы затем возложить вину за совершенное ими же преступление на армянскую сторону (История Армении 2014: 642).

Наличие зеркальных образов (зеркальных нарративов) можно проследить и на примере описания Сумгаитской трагедии, произошедшей 27–29 февраля 1988 г. Согласно армянскому нарративу, азербайджанцы учинили дикую расправу над мирными армянами, выступавшими за независимость Карабаха от Азербайджана. Азербайджанцы убивали армян в их домах, на улицах и площадях города, сжигали их живьем, предавая мученической смерти (История Армении 2014: 607–609). В то же время в соответствии с азербайджанской версией событий активными организаторами и участниками сумгаитских нападений на армян были сами же армяне, выдававшие себя за азербайджанцев в попытке очернить образ азербайджанцев в глазах мировой общественности (Мамедов 2020: 580).

Конструирование образа врага

Проведенный анализ содержания учебных материалов показывает, что при презентации оппонента обе стороны активно используют в своей риторике так называемый язык ненависти, также известный как язык вражды (*англ.* hate speech) (Малькова, Тишков 2002). Язык вражды представляет собой высказывания, направленные на разжигание ненависти, дискриминации или насилия в отношении отдельных лиц или групп людей на основе их расовых, этнических, религиозных, культурных и иных особенностей. Подобная форма выражения унижает человеческое достоинство и провоцирует враждебность по отношению к определённым категориям лю-

дей. Язык вражды активно используется для формирования и насаждения образа врага в сознании читателей.

Одним из способов конструирования образа врага при помощи исторических нарративов, изобилующих языком вражды, является дегуманизация противника, то есть лишение его положительных человеческих черт и качеств характера — гуманности, доброты, сострадательности и т. д. Так, в армянском учебнике истории азербайджанцы предстают как безликая масса и разрушительная сила. В отношении них используются такие эпитеты, как: «отсталые и фанатичные [азербайджанцы]» (История Армении 2014: 395), «азербайджанская чернь» (История Армении 2014: 608), «азербайджанские захватчики» (История Армении 2014: 482), «враги» (История Армении 2014: 487), «банды» (История Армении 2014: 396), «армянофобы», «разбойничьи шайки мародеров» (История Армении 2014: 490), «оккупанты» (История Армении 2014: 625).

Для дегуманизации противника используются зооморфные метафоры, отождествляющие враждебную группу с паразитами или хищниками, которых необходимо уничтожить. Так, в армянском учебнике азербайджанцы названы «волчьими стаями азербайджанских головорезов» (История Армении 2014: 626).

В целом армянские авторы изображают азербайджанцев как жестоких и не имеющих собственных культурных достижений варваров, способных лишь к разрушению и уничтожению чужой собственности.

Азербайджанский же учебник изображает армян как хитрый, коварный и трусливый народ (Мамедов 2020: 483), который в виду собственной политической несостоятельности и панического страха перед азербайджанцами предпочитает действовать коварным методом стравливания своих покровителей в лице России и Ирана с Азербайджаном и Турцией (Мамедов 2020: 580). Также армяне используют кризисные моменты в истории своих соседей (в том числе союзников) для извлечения собственной выгоды (Мамедов 2020: 579). На страницах азербайджанского учебника армяне чаще всего предстают либо в образах «пособников» (Мамедов 2020: 483) и «подручных» (Мамедов 2020: 537) царской (советской) России, либо в образе «сепаратистов» (Мамедов 2020: 570), «агрессоров», «врагов» (Мамедов 2020: 590) и «оккупантов» (Мамедов 2020: 608).

Для более предметного понимания образа армян в азербайджанских исторических нарративах приведем еще несколько выдержек из учебника азербайджанской истории: «армянский царь, оставив своих союзников [...], бежал» (Мамедов 2020: 62), «наши земли часто подвергались армянским нападениям» (Мамедов 2020: 65), «злоумыслие и вероломство армянской церкви» (Мамедов 2020: 116), «преступная деятельность армянских боевиков» (Мамедов 2020: 500), «обманутые армянами» (Мамедов 2020: 517), «выступление армянских дашнакских банд» (Мамедов 2020: 529), «враги азербайджанского народа» (Мамедов 2020: 545), «омерзительная политика армянских большевиков» (Мамедов 2020: 538), «армянское государство на наших землях» (Мамедов 2020: 607).

Как мы видим, обе стороны активно используют лексику, вызывающую резко негативную эмоциональную реакцию в отношении совершаемых противником действий. На страницах исторических учебников обе стороны обвиняют друг друга в массовых убийствах (Мамедов 2020: 518), пытках (История Армении 2014: 644), вандализме (История Армении 2014: 618), геноциде (История Армении 2014: 609), депортациях (Мамедов 2020: 569), резне (Мамедов 2020: 589), разграблениях (Ма-

медов 2020: 580), разрушениях (Мамедов 2020: 592), зверствах (История Армении 2014: 297) и уничтожениях (Мамедов 2020: 589).

В одном только армянском учебнике слово «резня» встречается 46 раз, «погром» — 53 раза, «геноцид» — 36 раз. Практически во всех случаях жертвами погромов, резни и геноцида является мирное армянское население, а виновниками военных преступлений — турки и азербайджанцы.

Несмотря на то, что в азербайджанском учебнике вышеупомянутая лексика встречается гораздо реже (слово «резня» упоминается лишь 4 раза, «погром» — 12 раз, «геноцид» — 7 раз), его также сложно назвать нейтральным или политкорректным. К примеру, в учебнике можно встретить следующие цитаты: «армянами был учинен настоящий геноцид мирного населения» (Мамедов 2020: 518), «разграблено и присвоено армянами» (Мамедов 2020: 580), «армяне полностью сожгли 72 деревни, а их население перебили» (Мамедов 2020: 518) и т. д. Как и в случае с армянским учебником, автор использует сугубо негативную клишированную лексику, закрепляющую образ армян, как агрессоров и провокаторов.

При этом необходимо отметить, что в отношении к представителям собственной этнической группы, напротив, применяется исключительно положительная лексика, направленная на создание возвышенного образа соотечественников, гиперболизацию их морально-этических качеств, превращение их в объект героизации.

В то время как враг предстает в нарративах в ничтожном виде (как слабый и трусливый, но вместе с тем жестокий и агрессивный противник), «свои» предстают в нарративах в образах доблестных и отважных воинов, защитников родной земли и т. д. Их действия в вооруженном конфликте всегда описываются как героическая самооборона или борьба за свободу (Мамедов 2020: 367). Они не убивают и не оккупируют, как враг. Они доблестно сражаются и наносят ему поражение (История Армении 2014: 491–492). Противником движет корысть и жестокость, а ими — самоотверженный героизм и сила духа (История Армении 2014: 366).

Так или иначе историческим пропагандистам приходится объяснять успехи врага, которые они списывают на хитрость и коварство врага либо на внутреннее предательство. Враг может победить лишь путем обмана.

К примеру, одним из ключевых событий войны в Нагорном Карабахе стал захват армянскими вооруженными формированиями г. Шуши (7–8 мая 1992 г.). Армянская сторона описывает взятие Шуши как самое значительное событие Арцахской освободительной войны. Само взятие города преподносится как освобождение легендарного армянского города. Причинами блестящей победы названы самоотверженный героизм и сила духа армянского воина (История Армении 2014: 643), Азербайджанцев изображают как ругателей армянских святынь, превративших армянский храм в склад оружия и боеприпасов, а также трусливых бойцов, спасавшихся паническим бегством.

В то же время в азербайджанском учебнике о боевых действиях в Шуше говорится лишь одним предложением. Причинами потери города признаются общая неразбериха, предательство и борьба за власть внутри азербайджанского политического руководства (Мамедов 2020: 590).

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что учебники государственной истории рассматриваются политическим истеблишментом обеих стран как элемент государ-

ственного идеологического строительства и инструмент формирования общенациональной гражданской идентичности. Национальные элиты используют учебники истории в качестве эффективного канала по внедрению псевдоисторических нарративов и этнических мифов, способствующих формированию в массовом сознании граждан определенных политических взглядов, идей и ценностей.

Вкрапление идеологических нарративов в научное повествование способствует постепенному вытеснению из коллективной памяти этнической группы реальных исторических фактов и их замещению псевдоисторическими концепциями, которые по прошествии времени начинают восприниматься представителями этнической группы как подлинная история. При этом, исторические нарративы способны трансформироваться с течением времени, подстраиваясь под конъюнктурные интересы национальных элит.

Примером таких интересов может быть попытка доказать легитимность выдвигаемых территориальных претензий. В подобном случае стороны, как правило, стремятся обосновать свое право на спорную территорию через ее признание *patria terra*, то есть «землей предков», прародиной народа. Так, обе стороны включают в состав своих исторических владений ряд территорий, обозначаемых в азербайджанском учебнике как Карабах, Нахичевань, Зангезур, Иреван, Ханкенди, оз. Гейча, а в армянском соответственно — как Арцах, Нахиджеван, Сюник, Ереван, Степанакерт и оз. Севан.

Обе стороны продвигают нарратив о том, что территории формирования и исторического развития выходят далеко за пределы их национальных государств и распространяются на территории сопредельных стран, что создает предпосылки к возникновению территориальных конфликтов в будущем. Так, согласно армянскому учебнику, армянский народ сохранил свою государственность лишь на 1/10 части своей исторической территории. Согласно азербайджанскому нарративу, в истории Азербайджана были этапы, когда его территория охватывала миллионы квадратных километров. Стоит отметить, что автор не приводит конкретных исторических примеров в подтверждение приводимого тезиса, однако отмечает, что сегодня площадь Азербайджанской Республики составляет всего 86,6 тыс. км², т. е. в 11,5 раз меньше той, что когда-то (когда?) занимало мифическое азербайджанское государство.

Учебники армянской и азербайджанской истории зачастую содержат зеркальные, а потому взаимоисключающие мифологические сюжеты, что происходит из-за стремления авторов присвоить и монополизировать общее, а на деле нередко и чужое, историко-культурное наследие. Так, историки с обеих сторон представляют свой народ как единственных автохтонов Южного Кавказа, возводят историю их государственности к легендарной стране Аратта, многократно преувеличивают политическое, экономическое и социокультурное влияние древних государств, поддерживающих нарратив о былом величии их народа (для армян таким государством является Великая Армения, для азербайджанцев — Кавказская Албания), приписывают к своей этнической группе деятелей прошлого, например, Мовсеса Каганкатваца (Моисея Каланкатуйского).

Ярким примером столкновения нарративов является вопрос о границе между Великой Арменией и Кавказской Албанией. Армянские авторы проводят границу по р. Куре, а азербайджанский — по р. Аракс. Однако в подобном случае Карабах одновременно находился бы в границах двух государств.

Манипуляции с исторической памятью, а также предпринимаемые обеими сторонами попытки утвердить свои исторические нарративы в качестве единственно

верных описаний событий прошлого, являются важнейшим элементом информационной войны между двумя государствами.

Исторические нарративы обоих учебников изобилуют зеркальными образами, т. е. строятся на восприятии сторонами конфликта друг друга через схожие негативные стереотипы. Наряду с очернением действий противника наблюдается стремление обеих сторон выставить себя в качестве жертвы спровоцированной агрессии, вынужденной отбиваться от нападков оппонента. Насилие со стороны собственной группы воспринимается как вынужденное, оборонительное, со стороны противника — как захватническое и добровольное.

Восприятие противника происходит через призму негативных эмоций (ненависть, страх, недоверие), что лишь усиливает поляризацию и затрудняет диалог между сторонами. Для доказательства демонической природы врага приводятся многочисленные примеры зверств, учиняемых противником в отношении мирного и незащищенного гражданского населения. При этом, особый акцент делается на женщинах, детях и стариках.

Исторические нарративы направлены, прежде всего, на эмоциональное, а не на рациональное восприятие, для чего обе стороны активно используют т. н. «язык вражды», который порождает агрессию и ненависть, способствует укоренению негативных стереотипов об оппоненте.

Политизация истории, осуществляемая путем внедрения в учебную литературу идеологически выверенных ревизионистских концепций, способствует ускорению деградации армяно-азербайджанских отношений.

Научная литература

- Аникин Д. А. Травматизация прошлого: методология исследования и основные подходы // *Studia Humanitatis*. 2018. № 4. С. 24–24.
- Аникин Д. А. Коллективные травмы как предмет Memory Studies: специфика российского дискурса // *Studia Humanitatis*. 2020. № 4. С. 22.
- Домашев А. Н. Миф в структуре самосознания этнической общности // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 3 (64). С. 296–299.
- Ершов Ю. Г. Мифы в идеологии и политике // Социум и власть. 2015. № 5 (55). С. 48–53.
- История Армении: учебник для вузов / отв. ред. Г. Р. Симонян. Ереван: Ереванский университет, 2014. 740 с.
- Малькова В. К., Тишков В. А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. М.: Альтекс, 2002. 348 с.
- Мамедов И. М. История Азербайджана (с древнейших времен до наших дней): учебник для вузов. Баку: Ляман Нашрият Полиграфия, 2020. 684 с.
- Нигматуллина Т. А. Этнокультурная кодификация множественной региональной идентичности. М.: Nota bene, 2021. 209 с.
- Шнирельман В. А. Войны памяти: Мифы, идентичность и политика в Закавказье. М.: Академкнига, 2003. 591 с.

References

- Anikin, D. A. 2018. *Traummatizaciya proshlogo: metodologiya issledovaniya i osnovnye podhody* [Traumatization of the Past: Research Methodology and Basic Approaches]. *Studia Humanitatis* 4: 24–24.
- Anikin, D. A. 2020. *Kollektivnye travmy kak predmet Memory Studies: specifika rossijskogo diskursa* [Collective Traumas as a Subject of Memory Studies: The Specifics of Russian Discourse]. *Studia Humanitatis* 4: 22.

- Domashev, A. N. 2017. Mif v strukture samosoznaniya etnicheskoy obshchnosti [Myth in the Structure of Self-Awareness of an Ethnic Community]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* 3 (64): 296–299.
- Ershov, Yu. G. 2015. Mify v ideologii i politike [Myths in Ideology and Politics]. *Sotsium i vlast'* 5 (55): 48–53.
- Mal'kova, V. K., and V. A. Tishkov. 2002. *Etnichnost' i tolerantnost' v sredstvakh massovoj informacii* [Ethnicity and Tolerance in the Mass Media]. Moscow: Al'teks. 348 p.
- Mamedov, I. M. 2020. *Istoriya Azerbajdzhana (s drevnejshih vremen do nashih dnei): uchebnik dlya vuzov* [The History of Azerbaijan (From Ancient Times to the Present Day): Textbook for Universities]. Baku: Lyaman Nashriyat Poligrafiya. 684 p.
- Nigmatullina, T. A. 2021. *Etnokul'turnaya kodifikaciya mnozhestvennoj regional'noj identichnosti* [Ethnocultural Codification of Multiple Regional Identity]. Moscow: Nota bene. 209 p.
- Simonyan, G. R. (ed.). 2014. *Istoriya Armenii: uchebnik dlya vuzov* [The History of Armenia: A Textbook for Universities]. Erevan: Erevanskij universitet. 740 p.
- Shnirelman, V. A. 2003. *Vojny pamyati: Mify, identichnost' i politika v Zakavkaz'e* [Memory Wars: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia]. Moscow: Akademkniga. 591 p.